

1. "Женщина в море"

2. Рецензия на роман Л. Бородина "Расставание"

□

"Женщина в море"

□□□ Леонид Бородин мало знаком нашему читателю, так как его произведения, написанные в последние два десятилетия, издавались за рубежом, а сам писатель судом "брежневской эры" был отторгнут от общества.

Произведение, о котором пойдет речь, — это небольшая по объему повесть. "Женщина в море". Красивое название. Две стихии, которые невозможно понять и осознать. Две стихии, которые поглощают одна другую. Они вдохновляют нас на неожиданные, даже для нас самих, поступки. Это название точно раскрывает ту мысль, которой с нами хотел поделиться автор.

Произведение начинается с описания моря, точнее сказать, с рассуждений, на которые наталкивает нашего героя (будем называть его так) море. Рассуждения эти довольно необычны, они не вписываются в образы "обычного" понимания моря. Являясь для Лермонтова и Пушкина источником вдохновения, для нашего героя оно не больше, чем лужа. У него оно вызывает неприязнь и презрение. Для нашего героя море — это "мировая свалка аш два о", "дохлая кошка ветров" (какое интересное сравнение). Вообще, рассуждения ведутся "доказательством от противного", в этом состоит особенность авторского мастерства. Своими рассуждениями герой, с одной стороны, отталкивает от себя, а с другой — привлекает новизной своих рассуждений.

Как я уже говорил, для нашего героя море бездейственно, безынициативно, его можно “пинать ногами, как дохлую кошку”. Отсюда напрашивается вывод, что сам он “творец” или называет себя таким, имея слишком высокое самомнение. Но не будем здесь долго останавливаться. Это лишь первое впечатление, которое остается у нас после вступления. Самое главное — впереди.

И вот завязка. Наш герой спасает женщину-самоубийцу. Интересное начало заинтересовывает. Здесь надо отдать должное автору. Привлекает внимание сама форма повествования. Все события автор как бы “пропускает” через своего героя. Он выдает нам уже его оценку, его выводы. Почти вся повесть состоит из внутренних монологов героя. Но вернемся к завязке. Все происходит в лучших традициях детективного жанра. Повесть начинается с тайны, которую нашему герою предстоит разгадать.

Первая глава заканчивается. Надо отметить, что заканчивается она обращением нашего героя к морю. Все его выводы связаны с ним. Море всему подводит итог.

А что же дальше? Дальше наш герой конечно же идет навестить утопленницу. Из его разговора со следователем мы узнаем, что она, оказывается, крупная аферистка. Но это обстоятельство ничуть не смущает героя. Не будем долго останавливаться на его беседе с утопленницей. Она является лишь связующим звеном в цепочке повествования. Но из этой беседы мы узнаем, что он “...уважает самоубийц”. Шаг навстречу смерти для него есть высшее мужество. По ходу повествования мы также узнаем, что наш герой, как и его автор, когда-то сидел в политических лагерях. И скорее всего, сидел он там за то, что имел свою точку зрения на происходящее. Это веский аргумент в его пользу.

Но вот наш герой уже идет навестить дочь утопленницы. Мы узнаем, что ее зовут Людмила, а ее друга Валера. Далее, будто бы случайно, наш герой присоединяется к этим молодым людям. К ним его влечет обыкновенное любопытство. Надо же узнать новое поколение.

Трое на катере в море. Романтично. Самая подходящая обстановка для того, чтобы поближе познакомиться с нашими новыми героями. С Валерой все просто. Это человек, который умеет оказаться в нужное время в нужном месте. Наш герой сравнивает его с

сытым, откормленным котом. Людмила оказывается сложнее. Наш герой не разгадает ее до самого конца. Говорит она много, но все ее слова пронизаны злостью, даже ненавистью к окружающим. Герой должен был бы заметить это обстоятельство, но он все списывал на молодость. Впоследствии это дорого ему обойдется.

Наконец он сам разговорился. Он рассказывает о своей жизни, точнее, о парадной ее стороне, пытаясь предстать в глазах Людмилы героем. Наш герой понимает, что это ребячество, но остановиться не может. В конце концов он оправдывается. Оправдания эти предназначены для того, чтобы заглушить голос совести, который вдруг просыпается и потом долго не дает покоя.

Что же побудило его на такие откровения? Неужели он влюбился? Он ведь не раз упоминал, что Людмила очень красива. Вряд ли. Скорее всего, у нашего героя просто давно не было возможности выговориться, не было хорошего собеседника.

И вот уже на берегу звучит вопрос Людмилы: “В каком вы санатории?” Он отвечает. Она смеется, что оставляет в душе у нашего героя “нехороший” осадок. Почему она засмеялась? Все просто. В процессе разговора Людмила разгадала нашего героя, нашла к нему ключик. Этот ключик она еще использует в своих целях. Задав вопрос, она услышала то, что и ожидала услышать. Живя в этом городе, Людмила наверняка знала контингент обитателей каждого санатория.

В конце главы наш герой отмечает, что между ним и морем появилась связь, скорее добрая, чем какая-либо другая. Образовался треугольник: наш герой, Людмила, море. Что между ними общего? Людмила и море. Одно является порождением другого. Наш герой не может относиться к Людмиле как он до этого относился к морю. Соответственно его взгляд на него меняется. Между ними возникает связь, которая осуществляется через Людмилу. За первой встречей должна быть вторая. Она не заставляет себя долго ждать. Наш герой снова со своими друзьями в море, только на этот раз в лодке. Он счастлив, как ребенок. Счастлив настолько, что не замечает, как его втягивают в довольно туманное предприятие. Недолго думая, он соглашается. Его честолюбие сделало свое дело. Ведь если бы отказался, он бы выглядел трусом в глазах Людмилы. Перед тем как пойти “на дело” (ну чем не детектив!), он долго и напряженно размышляет. В конце концов он приходит к такому выводу: “Лишь днями назад стоял у моря и, понося природу, отказывал ей в существовании. Но встретилась на пути (или поперек) красивая женщина, и мысль крутится змеей и оправдывает, оправдывает, и я не в силах контролировать мысль и склонен отказать ей в реальности. Готов признать ее производной и зависимой от каких-то иных состояний, которые вовсе

не хочется формулировать, потому что догадываюсь, что формулировки эти унижат меня в собственных глазах, и как тогда я смогу любить ближнего, 'если захлебнусь презрением к себе'".

Что это? Значит, он все-таки влюблен и готов ради красивой девушки на все, даже изменить своим идеалам и жизненным принципам. Неужели только любовь и молодость толкнули его на это? А почему бы и нет. Каждый волен распоряжаться собой как хочет. Он свободен, и никто не вправе упрекнуть его.

Наступает кульминационный момент. Наш герой идет "на дело" и выполняет то, что от него требуют. Тут-то он по-настоящему понимает, что его ловко обвели вокруг пальца. Но он еще надеется, что деньги (а они обокрали кассу мафии) пойдут по назначению, что Людмила совершит хоть один бескорыстный поступок в своей жизни, спасет мать. Он понимает, что был средством для достижения цели, но ведь цель-то была благородная! Это последний аргумент, который хоть как-то спасает его от своих же мыслей.

Наступает момент третьей и последней встречи нашего героя с его новыми друзьями. На улице идет дождь, первый за все это время, природа плачет, не пришлось бы заплакать нашему герою. Встреча происходит в машине. Молодые люди хорошо загримированы. Нашему герою приходится прилагать максимум усилий, чтобы увидеть в них своих новых знакомых. Он не может смириться с тем, что люди, которым он так много доверил, оказались ему абсолютно чужими. Не только внутренне, но даже внешне.

Наш герой узнает, что деньги никогда не пойдут по назначению. Все его надежды рухнули. Как он сильно обманулся! Какой удар по его самолюбию! Он всю жизнь что-то делал, к чему-то стремился, считал жизнь "объектом личной инициативы". И вот итог: вся его "сложность" оказалась "примитивным кроссвордом" в руках приморской девицы. А что же море? Оно штормит, но, несмотря на это, вяло и уныло, как будто сожалеет о случившемся. Море. Оно вечно и незыблемо. С него все началось, им все и закончится.

Такая рана будет болеть долго, но ничего. Скоро он встанет, отряхнется и пойдет дальше, хотя походка будет уже не такой уверенной.

Легко считать себя умнее других, но так ли это на самом деле? Наш герой переоценил свои силы. Он посчитал себя достаточно наученным жизнью, чтобы отличить хорошее от плохого. Между этими понятиями очень тонкая грань. Не всегда удается различать ее. Увлечшись, наш герой не заметил, как перешагнул через эту грань, не заметил и того, как все дальше и дальше удалялся от той правды, которая в свое время помогла ему остаться человеком. В своих новых друзьях он увидел ту мнимую свободу, которой ему когда-то не хватало. В ней он увидел, как ему казалось, то, что искал. Но он ошибся, и ему пришлось заплатить за эту ошибку.

Но не только наш герой ищет свою правду. Ищут ее и другие герои Леонида Бородина. Одно из его произведений так и называется — “Третья правда”. Конечно, каждый герой самоутверждается по-разному. Разным является и итог произведений. Но их объединяет одна идея. Человек остается человеком, если он верен своей нравственной Правде.

Не будем строго судить нашего героя. Все мы ищем, все ошибаемся. Особенно сейчас, когда старые идеалы вдруг оказываются никому не нужными, затоптанными своими же создателями. Трудно найти свою дорогу, идя по которой ты бы никуда не сворачивал. Ты еще много раз ошибешься, пока ее найдешь.

Рецензия на роман Л. Бородина "Расставание"

Роман “Расставание” Леонида Бородина построен вокруг идеи Бога. Его лирический герой — московский интеллигент — решает начать новую жизнь.

В произведениях Леонида Бородина — на рациональном, логическом уровне его проза сурово утверждает правоту христианской морали, а всей своей эмоциональной, чувственной плотью (то есть всем художественным, что есть в ней) буквально вопит о

прелести греховной, безбожной, живой и свободной жизни.

Где-то в Сибири главный герой романа отыскивает попа Василия и его дочь Тосю, которая готова стать его женой. Эта семья — поп Василий и Тося — живет с Богом в душе, вокруг них особая атмосфера чистоты и любви, властно притягивающая героя. Но он не чувствует себя достаточно чистым, чтобы принять от судьбы такой подарок, он уезжает в Москву, чтобы привести свои дела — прежде всего душевные — в порядок. Бородин, описывая московскую жизнь своего героя, не жалеет иронии и сарказма на картины “трудов и дней” московской интеллигенции. Достается всем — диссидентам, журналистам, окололитературной и околотелевизионной богеме, даже оппозиционному священнику, чья фигура в сравнении с образом попа Василия выглядит мелкой и суетной. Вся эта жизнь безбожна, бессмысленна, неблагоприятна. Вся она осуждена и автором, и героем. Как чеховские сестры мечтали о Москве, так герой романа Бородина мечтает о сибирской глубинке, где живут Тося и поп Василий.

В конце концов два рационалиста — автор и его герой — без конца осуждающие рационализм — попадают в собственноручно устроенную ловушку. Из Сибири, где рядом с Геннадием была живая и любящая Тося, вся его московская жизнь казалась ему ясной, понятной и легко преобразуемой в нужном для очищения направлении. Приехав и столкнувшись с ее живым и непредсказуемым потоком, он безнадежно в ней запутывается, поскольку общение с Тосей наделило его способностью гораздо острее видеть чужую жизнь и воспринимать чужую боль, чем это было прежде. Арестовывают его сестру-диссидентку, и он не может уже сказать “допрыгалась”; его отец, отношения с которым были так просты и удобны, оказывается вдруг человеком ранимым и способным на неожиданные поступки; “халтура”, которую он раньше бы сделал с хладнокровным цинизмом, превращается в моральную проблему; любовница ждет от него ребенка, и этот факт перерастает свое бытовое содержание, предопределяет судьбу. Душевный переворот совершился, холодный рационалист стал живым человеком, теперь он ближе к Богу, чем когда бы то ни было. Однако цена всему этому — погубленная судьба Тоси, к которой герой уже не может вернуться. И вот, чтобы эта цена не показалась читателю чрезмерной, зачеркивающей все благотворные перемены в душе Геннадия, автору приходится идти на сомнительный с точки зрения человеческой, да и художественной логики ход. Он постепенно, страница за страницей, превращает живую и страдающую Тосю в абстракцию, в символ. Символу ведь не больно. И вот в апофеозе романа, в финальной сцене амбивалентного свадебного веселья появляется — в сознании героя — призрачное видение: танцующая Тося. И так уже написана сцена, что это ирреальное появление выглядит не напоминанием герою о загубленной Тосиной судьбе, а благословением его выбора. Но свершится ли выбор? Если все-таки Тося — живой человек, а не символ, то свершится лишь обмен одного зла на другое. И с Богом в душе и без Бога герой несет зло.

И если бы из этого зерна автор честно вырастил трагическую коллизию! Но пришлось бы признать, что жизнь сильнее и богаче самой высокой морали, и пойти на такое Бородин не может. Поэтому финал смазан; он мог бы быть многозначен, но он — увы! — всего лишь двусмыслен.